

Кафедра теоретической (структурной) и прикладной лингвистики

ЖИЗНЬ КАК ЭКСПЕДИЦИЯ

сборник статей к 50-летию школы полевой лингвистики
А. Е. Кибрика и С. В. Кодзасова

Том 1

Москва 2017

ЭКСПЕДИЦИИ В МИШЛЕШ: 1995–1996*

Т. А. Майсак

Экспедиция в Мишлеш летом 1995 г. стала для меня первой лингвистической экспедицией и первым визитом в Дагестан, поэтому я хотел бы вспомнить именно её и последующую за ней поездку 1996 г. В основном я пишу о внешней канве событий, которая хорошо известна участникам, но, может быть, покажется интересной всем остальным, тем более что эпоха классических больших экспедиций в Дагестан, в том виде как они проходили двадцать и более лет назад, увы, давно отошла в прошлое.

T413+

Ф139+

Поездки в Мишлеш 1995–1996 гг. стали, по-видимому, первыми «кибриковскими экспедициями» в Дагестан, в которых вся группа два года подряд приезжала в одно и то же село¹. Связано это было с установкой на написание грамматики цахурского языка с приложением текстов и словарей, для чего одного сезона было явно мало (хотя имел место удачный опыт написания годоберинской грамматики после единственной экспедиции, она была всё-таки достаточно небольшой по объёму). Впрочем, вряд ли эта установка была изначально, скорее она появилась после подведения итогов первого сезона.

Поездка 1995 г. стала к тому же и первой, в которой основная группа летела на самолете. До этого экспедиционеры приезжали в Дагестан на поезде, который шёл через Чечню, но теперь уже шла первая чеченская война, и этот путь был закрыт.

Не считая руководства (А.Е. + С.В.), ядро группы составили уже опытные экспедиционеры, побывавшие к тому времени в Кванаде, Годобери, Согратле, а кто-то и в Ицари и Мегебе — это были Серёжа Татевосов и Костя Казенин, Света Толдова и Оля Фёдорова, Катя Лютикова и Лена Калинина, а также Таня Сосенская, Нина Добру-

* Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ № 15-04-12052в «Портал “Экспедиции Московской школы полевой лингвистики”».

¹ Собственно, таких случаев было всего два — помимо пары мишлешских поездок, два раза подряд экспедиция ездила в Кванад (1997–1998 гг., не считая поездки 1994 г.). В данном случае я учитываю только большие экспедиции; понятно, что отдельные участники могли бывать в одних и тех же местах по несколько раз, дособирая материал (как А.Е. и С.В. и делали во время работы над сопоставительным словарём).

шина и Яков Георгиевич Тестелец. Чуть поменьше экспедиционный стаж был у Юли Гизатуллиной, Димы Асратяна и моего однокурсника Юры Корякова — кстати, так получилось, что для них троих это оказалась последняя экспедиция в Дагестан. И совсем новичками были четверо — Ася Бонч-Осмоловская, Марина Чумакина и я, закончившие второй курс (как раз на втором курсе Ася и Марина перевелись к нам с русского отделения), и Гриша Строкин, который был на курс младше.

Я попросился в экспедицию сам. Что меня там ждет, я мало себе представлял, однако по рассказам Юры Корякова, который за год до этого побывал в Кванате, чувствовал, что и мне стоит попробовать. Мало я знал и про дагестанские языки — хотя, конечно, совсем не знать про них было невозможно: уже «Введение в специальность» на 1-м курсе, которое вёл А.Е., начиналось с разбора большой арчинской задачи (это там, где *Доги бархар* и *Дия евку*)². Кроме того, на меня произвели впечатление лекции Светы Толдовой и Оли Фёдоровой, которые в тот год вели у нас курс «Синтаксис русского языка»: несмотря на то, что синтаксис был русский, время от времени они упоминали что-то экспедиционно-дагестанское, что ещё больше подогревало мой интерес.

Юра подсказал мне, что надо подойти к А.Е. и сказать, что я хотел бы поехать. Так я в какой-то момент (уже весной) и сделал. А.Е. сказал, что подумает, и через несколько дней в коридоре дал мне ответ: меня берут, и мне надо почитать перед экспедицией его книгу «Методика полевых исследований»³. Тогда же у нас прошло несколько подготовительных семинаров, на которых мы, в частности, познакомимся с тем участниками будущей экспедиции, которые не работали в МГУ. Среди них был и Я. Г. Тестелец, который прочел краткую лекцию о лезгинской реконструкции С. А. Старостина и М. Е. Алексеева; эти имена я слышал впервые и не мог ещё предполагать, что Старостину я через пару лет буду сдавать экзамен по компаративистике, а летом 2000 г. приду работать в отдел Алексеева в Институте языкознания РАН.

Тогда же нас распределили по «кустам». Марина Чумакина под началом Лены Калининой стала изучать обстоятельственные пред-

² В сборнике 1983 г. она опубликована последней как самая сложная (Лингвистические задачи. Пособие для учащихся старших классов. М.: Просвещение, 1983. С. 73–74.).

³ А. Е. Кибрик. Методика полевых исследований (к постановке проблемы). М.: МГУ, 1972.

ложения. Асей Бонч-Осмоловской руководила Катя Лютикова, они занимались сентенциальными актантами. Я же поступил в распоряжение Юли Гизатуллиной, которая была на курс старше, но уже успела побывать в двух экспедициях. Нашей темой стали сочинительные конструкции, в частности, сочинительное сокращение. Курировал наш куст Я. Г. Тестелец. Забегая вперед, скажу, что моя синтаксическая работа не очень заладилась — какие-то примеры, я, конечно, собирал, и даже написал потом отчёт, но понял, что гораздо больше я хотел бы заниматься другим, а именно глагольными категориями⁴, и в следующей мишлешской поездке перешёл уже в куст Серёжи Татевосова. (В 1995 г. этот куст включал, помимо самого Серёжи, Нину Добрушину и Гришу Строкина.)

Ф144

Помимо московских лингвистов, в первой мишлешской поездке побывали ещё два человека. Во-первых, это был Максим Бонюшкин, выпускник филфака МГУ, и в то время — сотрудник Института перевода Библии (с ИПБ так или иначе были и остаются связаны многие московские дагестановеды); по совместительству Максим был также музыкантом и участником группы «Воинство Сидов», исполнявшей ирландский фолк. В те годы начинался проект библейского перевода на цахурский язык, и Максим поехал именно с целью обсудить «в поле» проблемные места перевода. Более того, ему пришлось поехать в село первым. В экспедициях существовало два «десанта» — за несколько дней до основной группы пара человек ехала в Махачкалу, чтобы окончательно договориться с водителем о времени подачи автобуса к приезду группы, а также чтобы закупить продукты. Останавливался десант в гостинице «Ленинградская», и в день приезда основной группы автобус сначала подъезжал к гостинице, там на него грузились продукты, и уже с продуктами и «десантниками» автобус встречал основную группу и направлялся в горы. Если удавалось, места назначения можно было достичь к вечеру или ночи того же дня, в противном случае предстояла ночёвка в дороге. Помимо махачкалинского десанта, один или два человека заранее выезжали в само село — чтобы встре-

⁴ Связано это было прежде всего с тем, что именно в те годы под руководством В. А. Плуменяна активно шла работа над созданием базы данных *VERBUM*, и на ОТиПЛе проходил спецкурс по представлению глагольных категорий разных языков в формате этой базы (я и сам делал доклад на спецкурсе, причем, как ни удивительно, по языку гуарани — естественно, на основе опубликованной и доступной в «Иностранке» грамматики).

титься с директором школы, посмотреть здание, подготовить его к размещению экспедиционеров (например, притащить маты и газовый баллон) и т.п. В 1995 г. в десант должен был поехать другой человек, однако он перед самым самолётом заболел, в итоге в Мишлеше первым и оказался Максим.

Наконец, ещё одним участником экспедиции стал Грэвил Корбетт, британский русист и типолог и давний друг А.Е. Его интересовало в первую очередь дагестанское согласование по именному классу, однако он также провел в Мишлеше предварительное исследование цветообозначений (это был первый прецедент такого рода для дагестанского языка). В 1996 г. его работу продолжили Татьяна Сосенская и Анна Румшиская, и впоследствии в журнале *Linguistic Typology* вышла любопытная статья о цветообозначениях в цахурском языке⁵. Эксперимент показал, в частности, что к базовым цветообозначениям в цахурском (по крайней мере у взрослых носителей) можно отнести бирюзовый цвет, чего ранее в типологии цветообозначений не встречалось.

Впрочем, это ещё не всё: в качестве «гостей» экспедиции 1995 года на несколько дней к нам приезжали Мира Бергельсон вместе с американкой Эмили.

Итак, в 1995 году основная группа прилетела в Махачкалу 11 июля. В первый день на автобусе доехали до крупного лезгинского села Ахты, где заночевали в гостинице. Кажется, она всем очень не понравилась, но помню только придуманную С.В. строчку по этому поводу: «Гостиница в Ахты — не ахты». Зато в Ахтах удалось посмотреть на знаменитый мост 1915 года с надписью «Джіорсь и Дебернарди» (имена итальянцев-строителей). На следующий день, когда мы уже въехали в собственно цахурский ареал, оказалось, что между Микиком и Цахуром не проехать: на дороге завал (а дорога там идёт между рекой Самур слева и горным склоном справа.) Некоторое время мы ждали, когда приедет трактор и расчистит проезд. В итоге в село мы приехали уже к вечеру, так что работа началась только 13-го числа — и началась она с фонетического занятия, которое проводил С.В. с информантом: всем экспедиционерам надо было дать общее представление о цахурских звуках и нашем способе записи.

⁵ I. R. L. Davies, T. Sosenskaja, G. G. Corbett. 1999. Colours in Tsakhur: First account of the basic colour terms of a Nakh-Daghestanian language // *Linguistic Typology*, 3(2). P. 179–207.

Затем два-три дня все (по крайней мере студенты) занимались сбором глагольного словаря. Каждому выдали по небольшому списку глаголов из тезауруса Кибрика–Кодзасова, надо было собрать несколько диагностических форм — аспектуальные основы и позиции для классного согласования (тем самым, насколько я помню, собирались формы прошедшего, настоящего и будущего времени, каждая во всех четырёх классах). Потом все эти карточки просматривала и систематизировала Нина Добрушина, которая занималась глагольной морфологией; фонетическую запись дополнительно проверял С.В. А остальные после сбора словаря перешли уже к работе по своим «кустовым» темам.

Работа была организована так, что на каждый день накануне вечером составлялось расписание: кто из экспедиционеров с кем из информантов работает (информантами были главным образом учителя мишлешской школы). Как правило, до обеда начиная с 9:00 было четыре «урока» (обычных, по 45 минут), о начале и конце которых сообщал звонком дежурный по расписанию. Дежурный по расписанию, как и дежурные по кухне (их было двое) каждый день сменялись. На уроке можно было сидеть в здании школы (обычно одна пара «лингвист + информант» в одном кабинете) или на улице, куда выносили стулья или даже парты. Писали тогда в своих тетрадях; по большой тетради типа «амбарная книга» каждый экспедиционер получил от А.Е. ещё в Москве.

Ф139

Ф146

Ф147

После обеда обычно не работали, хотя можно было договориться с информантом в частном порядке. В основном после обеда все смотрели, что они собрали за первую половину дня, и готовили вопросы на завтра. Еще проходили семинары по разбору текстов (записью текстов и их первичным разбором ведал А.Е.), а также «пятиминутки» с кратким рассказом глав кустов о том, что удалось сделать. Именно в первой экспедиции я узнал и диковинное слово «воркшоп», которое скоро сменило «пятиминутку». На семинарах все рассаживались так, чтобы смотреть тексты на ноутбуках, которых было немного — всего 3–4 штуки, причём собственные были, кажется, только у А.Е. и у Серёжи Татевосова; соответственно, при необходимости набрать что-то на компьютере надо было занимать очередь⁶. (В 1996 году, однако, с собой удалось взять даже портативный принтер.)

Ф156

⁶ Пользовались тогда в основном текстовым редактором «Лексикон». Экспедиционный отчет, который я писал после первой экспедиции, уже в компьютерном классе 1-го ГУМа, стал, помнится, моим первым текстом, набранным в «Ворде».

Постепенно удалось ближе познакомиться и с самим селом. Мишлеш относится к Рутульскому району и расположен в долине, у реки Самур. Школа находится у самой дороги в начале села, в отдалении от основной его части. В более новом и большом здании (оно стоит параллельно дороге) проходили наши занятия, а в том, что поменьше, мы жили (как водится, там были обустроены отдельная комната для начальства, мужская комната, женская комната и общая столовая). Через дорогу от школы, у реки — пустырь, используемый и как стоянка автомобилей, и как футбольное поле.

Φ143
Φ141
Прямо над нашей школой вверх уходил склон, по которому чуть выше «серпантином» проходила тропа. В один из первых дней экспедиции 1995 года мы с Юрой Ко⁷ решили добраться до тропы напрямик. Склон был крутой и осыпался, хотя можно было лезть, цепляясь за растущие на нём траву и кусты. Но ползти было всё-таки тяжеловато, так что в какой-то момент мы сдались и вернулись вниз.

Φ140
Φ148
Время от времени экспедиционеры в почти полном составе выбирались на прогулку на другую сторону реки. Сохранились коллективные фото, на которых запечатлены участники одной из таких прогулок, сидящие на горном склоне. Кстати, в сосновом перелеске наверху было много черники и попадались маслята, которые мы собирали — впрочем, в умеренных количествах.

Φ152
Одна из прогулок 1995 года оказалась более драматичной. На этот раз после обеда несколько человек решили сходить наверх уже по нашей стороне, посмотреть село Муслах, которое находилось над Мишлешем. Нас сопровождал один из местных парней (нашим информантом он не был и, к сожалению, его имени я не помню). Мы дошли до Муслаха и прошли сквозь него, однако никакой черники поблизости не было. Оставалось каким-то образом перебраться на тот берег реки и искать чернику уже там. Мы спустились вниз, к реке (рядом с небольшим селением Сюют), и наш проводник показал нам, где находится брод. Река была бурная, вода доходила нам до пояса, так что все взялись за руки, чтобы не унесло течением. Все вымокли, но, к счастью, добрались с минимальными потерями: только у Тани Сосенской унесло водой один тапочек. (Из положения мы вышли так, что Дима Асратян отдал Тане один свой кед, а на Димину ногу надели все имеющиеся у остальных

⁷ Такой сокращенный способ записи фамилий (только первый слог) был принят в экспедиции — например, при составлении расписания работы с информантами или дежурств по кухне.

участников похода носки.) Обнаружилось, при этом, что на другой стороне реки поросший небольшими сосенками и мхом склон очень крут, так что вверх до тропы мы карабкались с большим трудом, цепляясь за ветки. Обратнo в школу нам к тому же надо было успеть к определённомu времени, потому что был запланирован «воркшоп». Однако на него мы, конечно, не успели, и вернулись уже к самому ужину.

На будущий год, во второй мишлешской экспедиции, нам тоже пришлось перейти через реку, когда мы направлялись на большой пикник вместе с информантами. Впрочем, тогда мы переходили в спокойном и мелком месте — глубина была не больше, чем по колено⁸.

Ф151

Ф150

Иногда приятные сюрпризы поджидали нас прямо на школьном дворе. Так, в один из дней первой экспедиции к нам заехал на лошади сельский чабан и предложил желающим попробовать себя в седле. Многие наши девушки предложением воспользовались, а Марина Чумакина не только села на лошадь, но и ускакала вдаль по дороге, мы даже заволновались, вернётся ли она.

Ф154

Ф155

В другой раз один из наших информантов, Тагир Айвазов, сыграл для нас на сазе. При этом Тагир был не только музыкантом, но и прекрасным рассказчиком и поэтом. Две интересных воровских истории и одна сказка в его исполнении впоследствии вошли в приложение к цахурской грамматике, равно как и одно из его стихотворений («Не учившиеся арабисты, / беспистолетные чекисты, / бездипломные артисты / в нашем селении имеются» — думаю, что эти строки помнят все экспедиционеры).

После экспедиции 1995 года стало ясно, что намерения А.Е. относительно цахурского языка более чем серьезны. В Москве проходили экспедиционные семинары, писались отчеты и обсуждались перспективы большой грамматики. Помню, что перед второй экспедицией я особенно проникся величиим А.Е., задумавшего столь грандиозный проект: было ощущение, что мне выпало участвовать в чем-то необыкновенном (на самом деле, так оно и было). Между прочим, перед поездкой 1996 года А.Е. прямо сказал, что в Мишлеше желательно показать, что мы не зря изучали там язык в прошлом году: «Надо говорить по-цахурски». И действительно, во время второй экспедиции один из информантов признался, что его

⁸ Тот пикник прошел вполне мирно, хотя мне вспоминается каламбур С.В. по следам этого события: «Сафар устроил сафари на девушек» (Сафар был нашим информантом).

совершенно поразило, как Я. Г. Тестелец однажды сказал ему фразу на чистом цахурском языке⁹.

В 1996 году состав участников несколько изменился. Не все из прошлогоднего состава поехали, однако добавился Стас Задорожный, который учился на курс старше нас, но затем перешёл на наш курс. Из людей «со стороны» к нам присоединилась Анна Румшильская, которая училась в США. Распределение тем осталась примерно тем же, за исключением глагольного куста, в который теперь кроме Серёжи и Нины входил и я, тогда как Гриша Стркин в большей степени сконцентрировался на подготовке словаря.

Во второй экспедиции мне впервые довелось побывать в десанте. В мою задачу входило добраться до села (до Лучека ходил автобус, а дальше надо было просить подвезти) и обратиться к директору школы, рассказав ему о том, что нам понадобится. Оказалось, однако, что ни директора школы, ни запасного варианта — одного из наших основных информантов прошлого года Оруджа Ибрагимова — в селе на тот момент не было. К счастью, все проблемы удалось решить с помощью завхоза школы Магата, у которого я остановился до приезда остальных.

В одну из мишлешских поездок, наверное как раз во вторую, к экспедиции должен был уже на месте присоединиться Давид Гил, известный лингвист и знакомый А.Е. Добирался он с юга, через Азербайджан, но до нас так и не доехал — по дошедшим тогда до экспедиции сведениям, в Азербайджане его чуть ли не арестовали на какое-то время и дальше не пустили.

По возвращении из второй мишлешской экспедиции работа над цахурским языком не закончилась. Наоборот, впереди было написание грамматики, которая получилась в итоге огромной по объёму — отчасти из-за неопытности многих авторов (для некоторых из которых, как для меня, это был вообще первый опыт написания серьёзных лингвистических текстов), отчасти из-за достаточно свободного характера изложения (не зря А.Е. предложил назвать книгу не именно «грамматикой», а «Элементами цахурского языка в типологическом освещении»). Состав авторов ещё чуть ужался по сравнению со второй экспедицией и составил 14 человек; вышла книга в 1999 г. в издательстве «Наследие», базиро-

⁹ Если я не ошибаюсь, это была фраза *zak'le tualetē xebna xoçe sawže* 'Я видел в туалете большую змею'.

вавшемся в ИМЛИ РАН (позже сотрудничество с этим издательством продолжилось и при работе над багвалинской грамматикой).

Более того, не все из нас летом 1996 года распрощались с Мишлешем и мишлешцами. Написание грамматики растянулось на три с лишним года, и для проверки и досбора данных сначала летом 1997 года в Москву приезжал наш информант Исмаил Мамедов, а весной 1998 года Я. Г. Тестелец и Костя Казенин ездили в село для последней сверки уже с черновиком книги. Кстати, приезд Исмаила в 1997 году совпал с визитом в Москву Марии Полинской, которая работала над цезской грамматикой с Арсеном Абдуллаевым, носителем языка. Мы все встретились на кафедре и познакомились. Позже Мария Полинская написала большую рецензию на цахурскую грамматику под названием, которое можно перевести как «Цахурские диковины»¹⁰.

Ф160

¹⁰ М. Polinsky. 2002. The marvels of Tsakhur // *Linguistic Typology*, 6(3): 403–422. Помимо этой рецензии, цахурские «Элементы» рассматриваются в обзорной публикации Вольфганга Шульце, посвященной трем грамматикам под ред. А.Е. Кибрика: W. Schulze. 2005. Grammars for East Caucasian // *Anthropological Linguistics*, 47(3): 321–352.